

«Все пройдет. Страдания, муки, кровь, голод и мор. Меч исчезнет, а вот звезды останутся, когда и тени наших тел и дел не останется на земле. Нет ни одного человека, который бы этого не знал. Так почему же мы не хотим обратить свой взгляд на них? Почему?»

Этим вопросом М. А. Булгаков заканчивает «Белую гвардию». А потом сам же на него и ответит своим романом «Мастер и Маргарита», романом, который целиком устремлен в вечность, романом, являющимся одновременно и реальностью, и мифом, т.е. пребывающим в вечности. Ведь достоверность рассказа засвидетельствована Воландом — очевидцем всех происходящих событий, — а затем, косвенно, и самим Иешуа, которые являются фигурами отнюдь не временными.

В последней же главе и Мастер с Маргаритою растворяются в вечности. «Слушай беззвучие, — говорила Маргарита Мастеру, и песок шуршал под ее босыми ногами, — слушай и наслаждайся тем, чего тебе не давали в жизни, — тишиной». Именно тишина говорит от имени вечности. Финал романа — одно из самых загадочных мест в нем. В последней главе происходит сцепление всех основных тем и мотивов повествования. В ней же заключено и прощание, и прощение. Как известно, первые редакции романа (1929— 1933) строились без образа Мастера. В центре находился рассказ Воланда о Пилате и Иешуа («Евангелие от Воланда»). То есть основной проблемой романа должна была стать проблема Пилата. С появлением образа Мастера эта проблема оказалась вытеснена и заменена более важной для писателя в 30-е годы фаустовской темой: чувство вины художника, совершившего сделку с Сатаной (по-видимому, важным моментом в формировании этой линии послужили письмо писателя М.А.Булгакова к правительству и последующий телефонный разговор со Сталиным). Человек, молча давший совершиться у себя на глазах убийству, вытесняется художником, молча смотрящим на все совершающееся вокруг него из «прекрасного далека». Пилат уступает место Мастеру. И именно Мастер отпускает Пилата, объявляет его свободным. то есть прощает его. И Пилат устремляется вслед за Иешуа. «Прямо к этому саду протянулась долгожданная прокуратором лунная дорога, и первым по ней бросился бежать остроухий пес. Человек в белом плаще с кровавым подбоем поднялся с кресла и что-то прокричал хриплым, сорванным голосом. Нельзя было разобрать, плачет ли он или смеется, и что он кричит. Видно было только, что вслед за своим верным стражем по лунной дороге стремительно побежал и он».

Вина Мастера менее конкретна, она не мучает, не подступает постоянно навязчивыми снами, но эта вина более общая и необратимая — вечная. Та вечная вина творческой личности, которая идет на компромисс с обществом, властью, уходит от проблем морального выбора, искусственно изолирует себя от обступающих проблем, чтобы получить возможность работать, реализовать свой творческий потенциал и достигнуть бессмертия, то есть, подобно Фаусту, вступить в сделку с Сатаной.

В последнем сне Мастера к нему является «непомерной красоты женщина», уводящая его клуне, что является указанием на то, что в конце концов Мастер и Маргарита покидают свой приют и устремляются к свету по той же лунной дороге, по которой ушли ранее прощенные Пилат и Иешуа. А исчезновение того мира, уход от которого был главной виной Мастера, означает его освобождение от этой вины. «Кто-то отпускал Мастера на свободу».

Мастер свободен от своей вины, следовательно, прощен. Но в то же время это и прощание со своей жизнью, городом, временем, ибо выполнена главная задача — прорыв в вечность. Наступило иное бытие.